

Научная статья

УДК 316.7

doi: 10.17223/22220836/50/13

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ГОРОДА: ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАРРАТИВОВ ЛОКАЛЬНОГО ПАТРИОТИЗМА В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Наталья Геннадьевна Федотова

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия, fedotova75@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию способов репрезентации нарративов локального патриотизма в городской среде, которые являются неотъемлемой частью культурной памяти города. Опираясь на методологию Дж. Олика и используя кейс Великого Новгорода, автор акцентирует внимание на средствах передачи культурной памяти города путем выявления основных форм репрезентации нарративов патриотизма в пространстве города. Городские нарративы патриотизма рассматриваются как связующие тексты между прошлым и настоящим города, которые обладают потенциалом укрепления городской идентичности и формирования гражданского кода локального патриотизма.

Ключевые слова: нарратив, культурная память города, локальный патриотизм, репрезентация нарративов, город

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31690 «Символические коды и нарративы патриотизма в национальной памяти современной России и США».

Для цитирования: Федотова Н.Г. Культурная память города: особенности репрезентации нарративов локального патриотизма в городской среде // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2023. № 50. С. 153–165. doi: 10.17223/22220836/50/13

Original article

CULTURAL MEMORY OF THE CITY: FEATURES OF REPRESENTING THE NARRATIVES OF LOCAL PATRIOTISM IN THE URBAN ENVIRONMENT

Natalia G. Fedotova

*Novgorod State University Yaroslav-the-Wise, Veliky Novgorod, Russian Federation,
fedotova75@mail.ru*

Abstract. The discourse of patriotism is the basic for most researches connected with cultural memory. The scholars explain this term as an integral component of the identification codes' formation for the certain communities. Such explorations are becoming more and more actual in case of crisis. The crisis is a marker for lack of collective identities and the absence of stable symbolic grounds for the consolidation and solidarization of local communities. Consequently, the importance of analyzing the presenting ways of the narratives of patriotism in the urban environment, the aggregate of which is a collage of symbolic codes of patriotism in the cultural memory of each particular city, increases.

The narratives of patriotism (in the context of the city) are closely related to urban identity, since they operate with images of the past that connect the city and the citizen and form

collective ideas about the city. Local patriotism is semantically connected with civic participation and the active position of a city dweller in preserving the integrity of the urban community, held together by common memory. It means the urban identity (and a sense of duty to the city), which symbolically “feeds” on the images of the urban past, evoking pride and patriotic feelings in the townspeople based on the value of the place.

When we understand the narratives' representation as means of collective memory (so does J. Olek), we can classify them due to their mediators' typology: as hard and soft. Representation forms and usages of past narratives can illustrate the example of V. Novgorod. These practices help the citizens with their identity. These practices people also get the local patriotic feelings. Such narratives acquire a particular specificity which depends on symbolic codes that reproduce the city's past.

As narratives' representation for city's past can make up the different types of the current moment; it is quite important to control the ways of patriotic values' representation. The analysed narratives' representation ways of local patriotism are symbolic to regional government in context of the city. It consists of understanding and using them as means of forming citizens' solidarity on the basis of the common value of the city, increasing the importance of understanding oneself precisely as a city dweller, connected by the civil code with others and therefore able to participate in solving public issues of the city.

Keywords: narrative, cultural memory of the city, local patriotism, representation of narratives, city

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the RFBR in and the EISI the framework of the scientific project No.20-011-31690 “Symbolic codes and narratives of patriotism in the national memory of modern Russia and the USA”.

For citation: Fedotova, N.G. (2023) Cultural memory of the city: features of representing the narratives of local patriotism in the urban environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 50. pp. 153–165. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/50/13

В современном дискурсе культурологов особое место занимает проблематика культурной памяти города, научный интерес к которой во многом объясняется так называемым «коммеморативным бумом» и стремительным развитием междисциплинарных исследований, сложившихся вокруг «Memory studies». Следует согласиться с Дж. Оликом, который подчеркивает, что современные исследователи рассматривают прошлое в качестве площадки, «на которой можно бороться не только за интересы и ресурсы..., но и за ту самую идентичность, которая в первую очередь поддерживает и организует эти интересы» [1. Р. 49]. Как показали российские исследования, коллективная память есть не что иное, как определенный способ конструирования людьми своего прошлого [2. Р. 16], где она, по сути, выступает не только детерминантом культурных стереотипов, но и одним из ресурсов политической идентичности [3. С. 10].

Культурная память сегодня нередко понимается как результат взаимодействия прошлого и настоящего в социально-культурном контексте [4. С. 2], обусловленного теми или иными факторами. При этом, исходя из культурологической позиции Яна Ассмана, важно отметить, что культурная память имеет символическую природу, т.е. «может осуществляться лишь искусственно, в рамках институций» [5. Р. 23], которые призваны аккумулировать и транслировать интерпретации прошлого того или иного коллектива. Что касается культурной памяти города, то мы понимаем ее как «сложное пространство хранения, трансляции и актуализации культурных смыслов города» [6. С. 131] как значимых для горожан элементов городской культуры, включая и городские нарративы, передающие яркие образы городского прошлого.

Действительно, «память является, прежде всего, продуктом коллективных нарративов и символов, находящихся в распоряжении индивидов, а также социальных инструментов для их хранения и передачи» [7. С. 24]. Следовательно, городские нарративы (мифы, легенды, речи) как сюжетные тексты о городском прошлом, размещенные в публичном пространстве, за счет своей лаконичности доступно объясняют не только исторические эпизоды города, но и участвуют в интерпретации современных процессов города. Как подчеркивают исследователи, через нарративы, которыми оперирует коллективная память, происходит актуализация прошлого, которое наделяется смыслами для современников [8. С. 32].

Культурная память города многослойна, она включает в себя самые разные нарративы, повествующие о тех или иных аспектах городского прошлого. Однако особый интерес в контексте проблемы управления культурной памятью города представляют собой те из них, которые непосредственно участвуют в идентификации горожан и задают определенные стереотипы интерпретации городского прошлого. В связи с этим актуализируется научное познание нарративов патриотизма, в которых происходит объективация наиболее значимых для горожан фрагментов культурной памяти города. Причем, раскрывая процессы функционирования культурной памяти города, наиболее актуальным становится вопрос о том, каким образом представлены нарративы патриотизма в городской среде, как они вписаны в городскую реальность. Следует в связи с этим подчеркнуть, что изучение процессов репрезентации нарративов патриотизма позволяет раскрыть особенности структурирования образов городского прошлого в социальной реальности настоящего.

Однако актуальность заявленной проблемы может быть раскрыта и с другой позиции. В условиях кризиса локальных идентичностей и отсутствия устойчивых символических оснований для солидарного сосуществования горожан в едином пространстве исследования нарративов патриотизма в «разрезе» города становятся весьма востребованными. Урбанистический срез проблемы репрезентации нарративов патриотизма в городской среде является попыткой экстраполяции современных культурсоциологических методик на городское сообщество, что позволит не только понять локальный уровень конструирования коллективной идентичности и процессов солидаризации местных сообществ, но и объяснять процессы структурирования культурной памяти города.

В рамках проблемы поддержания и производства нарративов, которые участвуют в интерпретации городского прошлого, особого внимания со стороны ученых требует анализ символического оформления и способов трансляции коллективных смыслов как актуальных фрагментов культурной памяти города. В данном случае речь идет об исследовании публичных процессов управления культурной памятью города (экранизация памятного фрагмента города, открытие выставки, установка памятника), которые раскрывают локальный аспект способов репрезентации образов прошлого, конструирующих те или иные области смыслов, отношений и детерминирующих соответствующие поля дискурсов.

В связи с этим целью данной работы является анализ способов репрезентации нарративов патриотизма в городской среде, совокупность которых

представляет собой коллаж символических кодов патриотизма в культурной памяти каждого конкретного города.

Нарративы локального патриотизма и городская идентичность

Культурная память города является источником городских смыслов, которые с помощью символизации действительности структурированы в городском пространстве. Как показал Я. Ассман, в культурной памяти прошлое не сохраняется как таковое, а скорее гальванизируется (воскрешается) в символах, которые как бы освещают изменяющееся настоящее [9. Р. 19].

Символическая фиксация и трансляция фрагментов коллективной памяти в настоящем является важнейшим ресурсом патриотического дискурса. Именно символическая природа культурной памяти города позволяет нам рассматривать ее в качестве резервуара для формирования нарративов патриотизма и акцентировать внимание на символических средствах трансляции культурных смыслов. Иными словами, особый интерес в данном контексте представляет собой не столько качество многослойности культурной памяти города, сколько ее способность быть источником нарративов патриотизма, латентно или явно присутствующих в образах городского прошлого.

Исследования Дж. Верча показали, что память материализуется, объективируется в настоящем с помощью нарративов [10], которые конструируют коллективные идентичности. С помощью нарратива «мы организуем нашу память, намерения, жизненные истории...» [11. С. 29], поскольку важнейшее свойство нарратива заключается в том, что он представляет собой коллективный опыт. По сути, в нарративах, которые «символизируют действительность, наполняют ее смыслом» [12. С. 8], происходит презентация прошлого.

Следовательно, нарративы патриотизма наполняют смыслом фрагменты культурной памяти города и через символическое преломление сюжетных текстов аккумулируют патриотические чувства горожан – «оживляют» реальность, убедительно повествуя о значимости образов прошлого, с которыми формируется сопричастность горожан.

Возвращаясь к коллективной идентичности, заметим, что, по мнению Дж. Александера, показавшего значимость в современном мире мифов, кодов и символов, «идентичности постоянно конструируются и обеспечиваются не только посредством встречи лицом к лицу с настоящим и будущим, но и посредством реконструкции более ранних периодов жизни сообщества» [13. С. 297]. Отсюда фрагменты культурной памяти города, участвующие в структурировании городской идентичности, представляют собой важнейший ресурс солидарного существования городского сообщества, объединенного единым символическим основанием (образы и нарративы) через разделяемые большинством интерпретации городского прошлого.

Между тем исследования городской идентичности, нередко сконцентрированные в рамках социологических и культурологических проблематик, слабо представлены в контексте патриотического дискурса. Но как мы показали ранее, символическое кодирование патриотизма неотъемлемо связано с идентификационными кодами образов коллективного прошлого, актуализирующих те или иные ориентиры, в том числе и вызывающие патриотические чувства.

Нарративы патриотизма в разрезе города тесно связаны с городской идентичностью, поскольку они оперируют образами прошлого, которые связывают город и горожанина, а также формируют коллективные представления о городе.

Подобный тезис можно рассматривать исходя из понятия «локальный патриотизм», семантически связанного с гражданским кодом как проявлением гражданского участия и активной позиции горожанина в сохранении целостности городского сообщества, скрепляемого общей памятью. Помимо национальной или религиозной, территориальная идентичность играет существенную роль в формировании патриотических ценностей. Это подтверждают результаты различных исследований.

В частности, в изучении патриотических чувств молодежи Томска исследователи показали, что «решающую роль в самоидентификации молодежи в Томской области играют такие группы, как семья и друзья, ... реже респонденты идентифицируют себя с макрообщностями демографического (молодежь), территориального (жители города, области) и державно-народного (сибиряки, россияне) типа» [14. С. 137]. Популярным среди молодых людей «стало определение Родины посредством формальной апелляции к месту рождения или проживания – его придерживается 31% молодежи Томской области» [Там же. С. 138], где понятие «Родина» в большинстве случаев имеет измерение, связанное с территорией проживания. На основании этого социологи предлагают использовать малоизученный концепт «локальный патриотизм», одним из маркеров которого может быть установка готовности уехать из своего региона. В частности, проблематика локального патриотизма может рассматриваться в контексте «гражданского воспитания молодого поколения, и в основном сопряжено с вопросами региональной идентичности» [15. С. 355].

В связи с этим очевидно смещение акцентов в локальном патриотическом дискурсе, когда фокус исследований предполагает использование патриотических ценностей как важнейшего социокультурного фактора, участвующего в процессах солидаризации местных сообществ и их причастности к территории. Локальный патриотизм за счет символической привязки к территории более предметен и осязаем, и его особенность помимо традиционных патриотических ценностей заключается в ценности места и значимости культурных смыслов территории (героев, символов, событий), где существенную роль играют как раз образы коллективного прошлого, представляющие собой фундамент культурной памяти места.

По отношению к городу локальный патриотизм неотъемлемо связан с городским самосознанием (и чувством долга перед городом), которое символически «питается» образами городского прошлого, поступками героев и персонажей, духом места, городскими традициями и пр. Следовательно, уровень и специфика локального патриотизма во многом зависят от того, насколько устойчивы и позитивны культурные смыслы города, благодаря которым функционирует городская идентичность. Ценность города как места проживания вместе с тем актуализируется в рамках символической конкуренции городов за ресурсы, где преимуществом является не только наличие уникальности территории, но и ее репрезентация в публичном пространстве, в том числе и в нарративах патриотизма.

Маркером нарративов локального патриотизма, представляющих собой сюжетные тексты о значимости культурных смыслов города (исторических событий, праздников, художественных произведений, природы и пр.), по сути, является их способность вызывать гордость и патриотические чувства у жителей территории, основанные на ценности места.

Поскольку каждый город конструирует свою картину прошлого из разрозненных эпизодов, придавая осмысленность настоящему, то возникает вопрос о том, каким образом «встроены» нарративы локального патриотизма, передающие коллективные представления о значимых для города событиях прошлого, в городскую среду, в повседневную действительность горожан.

Важно отметить, что нарративы, используя свойство избирательности, функционируют в городской среде путем отбора фрагментов памяти города и тем самым участвуют в актуализации тех или иных практик и тенденций городской реальности. Следовательно, нарративные практики патриотизма через интерпретацию локальных событий становятся средством социального взаимодействия и передачи культурной памяти города, когда горожане воспринимают и город, и себя сквозь призму этих интерпретаций.

Отсюда исследование способов репрезентации нарративов локального патриотизма в городской среде, основанных на образах прошлого, открывает возможности рассматривать их как инструмент управления культурной памятью. Как отмечают специалисты, «общество и власть материализуют память с помощью направленного демонтажа (или установления) памятников; культурных мероприятий и фестивалей; новых музейных экспозиций и новых музеев; переписывания текстов учебников и путеводителей, официальных текстов» [3. С. 10].

Способы репрезентации нарративов патриотизма как средства передачи культурной памяти города

Культурная память города, как было отмечено ранее, имеет символическую природу, а потому ее фрагменты представлены в настоящем с помощью различных символических форм. Как свидетельствуют работы М. Ламонт, механизм конструирования символических границ сообществ, отделяющих «своих» от «чужих», во многом детерминирован обусловленностью культурным репертуаром, к которому люди имеют доступ, а также структурным контекстом, в котором они живут [16]. Следовательно, важно понимать, какие средства передачи памяти создают структурный контекст, задающий репертуар памятования, актуализирующий тем или иным образом фрагменты городского прошлого и влияющий в итоге на коллективные представления о городе.

Изучение способов репрезентации нарративов патриотизма в городской среде, связанных с образами прошлого, направлено на то, чтобы раскрыть сложную систему представления фрагментов памяти в социальной реальности. Речь идет о средствах передачи нарративов, семантика которых основана на ценности территории города, выражающих и транслирующих в символических формах образы прошлого в доступных и понятных категориях.

Для анализа способов репрезентации нарративов патриотизма в городской среде воспользуемся предложенной Дж. Оликом методологией процессореляционного познания коллективной памяти. В данном случае акценти-

руем внимание на одном из тех концептов, которые, по его мнению, задают так называемую «фигурацию памяти», т.е. «меняющиеся отношения между прошлым и настоящим, в которых сплетаются, хоть и не всегда гармонично, образы, контексты, традиции и интересы» [17. С. 46].

По мнению Дж. Олика, в практиках памятования большую роль занимают средства передачи памяти, которые за счет символизации не только передают информацию о прошлом, но и обеспечивают переживание коллективного чувства места, становясь проводником патриотических чувств. Дж. Олик подчеркивает: «...нет восприятия без интерпретации; нет события, которое бы не было сконструировано социальными формами; нет реальности самой по себе» [Там же. С. 53]. Исходя из положений ученого, следует заключить, что средствами передачи культурной памяти города являются многообразные посредники коллективного опыта, с которыми сталкиваются горожане в городской среде. Средства передачи памяти связывают прошлое и настоящее города.

Согласно утверждениям Дж. Олика, функции этих посредников не ограничиваются только передачей памяти, поскольку «медиумы памяти не второстепенны, они определяют сообщение» как средства коммуникации [Там же]. Здесь актуализируется тезис М. Маклюэна о том, что «средство коммуникации есть сообщение», поскольку именно средство коммуникации определяет масштабы и форму человеческой ассоциации и человеческого действия [18. С. 10]. Следовательно, средства передачи памяти обладают своеобразным культурным кодом, который способен придавать медиумам свойства приращения новых смыслов через своеобразие интерпретации фрагментов памяти, а значит, и символически влиять на производство коллективных представлений о городе.

Прошлое с помощью посредников может стать частью настоящего, поскольку прошлое попадает к нам через символически кодированные и объективированные в реальности средства, формирующие свою картину образов. Один и тот же эпизод памяти может быть по-разному осмыслен, например, в экранизации события, в публичной речи политика или в памятнике, ведь каждое средство передачи памятной информации воздействует по-своему (например, эмоционально или когнитивно, визуально или вербально). Говоря иначе, разные способы репрезентации нарративов локального патриотизма воспроизводят разные образы прошлого. Патриотические образы, представленные в рамках совместного переживания исторического события города на празднике, могут оживить одни смыслы нарратива, тогда как музейный экспонат – иные.

Фестивали, памятники, фотографии, биографии, киноленты и многое другое представляют собой способы репрезентации нарративов коллектива, которые могут транслировать в том числе патриотические ценности. Их специфика напрямую зависит от региональных контекстов и тенденций развития общества. В цифровую эпоху, например, существенное значение имеют экранные способы репрезентации нарративов городского прошлого с преобладанием визуальных форм, поэтому городские нарративы можно встретить в сюжетах современных компьютерных игр.

Говоря об информационном обществе, следует отметить, что в данном случае нужно обратить внимание на медиа как ключевого генератора образов

городского прошлого. Действительно, как отмечают ученые, «репрезентация прошлого в СМИ является важным фактором, который определяет – какие эпизоды памяти будут считаться актуальными» [19. Р. 399–408]. В связи с этим медийные способы символической репрезентации фрагментов культурной памяти города являются ключевым инструментом интерпретации реальности, а значит, и ее конструирования.

Данная проблематика весьма обширна и может включать в себя как исследования институтов и акторов, участвующих в генерации нарративов патриотизма, так и содержательный аспект (семантический анализ содержания нарративных практик). В рамках настоящей работы исследовательское внимание направлено на такие нарративные практики, которые, обращаясь к образам прошлого, транслируют смыслы ценности места, детерминируя тем самым сопричастность горожан к городу, влияют на городское самосознание, что ведет к осмыслению города как единого и значимого для жителей города пространства.

Особенности репрезентации нарративов патриотизма в городской среде

В пространстве города репрезентация нарративов патриотизма может приобретать разные конфигурации, своеобразие которых во многом зависит от специфики образов культивируемого прошлого. Одним из подходов к структуризации разнообразия способов репрезентации нарративов патриотизма в городской среде является известная типология, основанная на разделении всех медиаторов, передающих информацию, на жесткие (*hard*) и мягкие (*soft*).

а) Жесткие способы репрезентации нарративов локального патриотизма, как правило, материализованы в городской среде и нередко формируют «дух места» (монументы, архитектурные композиции и пр.). Они более постоянны и устойчивы, транслируют эпизоды городского прошлого за счет визуальных форм и потому твердо встроены в пространство города. Данные способы репрезентации нарративов локального патриотизма в городской среде могут также рассматриваться как результат интерпретаций образов городского прошлого, когда город в камне, дереве, граните фиксирует на долгие годы отношение к прошлому, тогда как их слом и демонтаж свидетельствуют о пересмотре оценки к событиям прошлого. Как отмечают исследователи, символическая презентация прошлого может быть представлена в жесткой форме, которая выполняет особую роль в формировании пространства в качестве ориентиров или маркеров привязки нарративов к чувственному опыту [20. С. 285–302].

б) Мягкие способы репрезентации нарративов локального патриотизма гораздо более разнообразны. Их особенность заключается в гибкости и непостоянстве, свойстве динамично меняться при условии пересмотра актуальных фрагментов культурной памяти города (переименование улиц или запись мелодии). Причем нередко жесткие и мягкие способы репрезентации нарративов в реальности переплетены между собой, когда, например, нарратив воплощен в памятнике, у которого современники произносят публичную речь.

в) Между тем третьей формой, по нашему мнению, являются перформативные практики, представляющие особый способ репрезентации нарративов

городского прошлого, где значимые смыслы как фрагменты памяти передаются через включение горожан в действие, нередко сопровождающееся традиционными ритуалами (мемориальными, торжественными, поминальными и пр.). Перформативная репрезентация нарративов патриотизма, как правило, подчиняется определенным правилам и сценарию, подобное действие функционирует публично, с возможностью включения или наблюдения за ним (например, возложение венков или шествие). Трансляция патриотических ценностей в данном случае происходит посредством воспроизводства нарративов городского прошлого, способствующих эмоциональному переживанию значимых для города смыслов.

Для иллюстрации исследования особенностей репрезентации нарративов локального патриотизма, основанных на образах городского прошлого, обратимся к одному из кейсов, представляющих нарратив Великого Новгорода. Проведенные нами в 2016–2019 гг. эмпирические исследования городской идентичности и символического капитала Великого Новгорода показали, что среди значимых для новгородцев нарративов, повествующих о ценности места, являются сюжеты не только о главных символах города – Софийском соборе, Кремле и берестяных грамотах, но и о Ганзейском союзе, Новгородской вечевой республике и о зарождении династии Рюриковичей [21. С. 376]. Данные нарративы являются ключевыми для идентификации новгородцев и вызывают чувство гордости за свой город.

Рассмотрим в качестве примера способы репрезентации нарратива об истории Ганзейского союза, поскольку в последние годы данный нарратив в городском дискурсе занимает все более заметное место, особенно после того, как Великий Новгород вошел в новый Ганзейский союз. Ганзейский нарратив повествует о славном прошлом средневекового Новгорода и истории экономического чуда Новгородской республики, о новгородских купцах и торговом прошлом города, который имел тесные связи с европейским Ганзейским союзом.

Во-первых, к жестким способам репрезентации ганзейского нарратива, которые встроены в городскую среду, следует отнести те материальные формы в пространстве города (прежде всего, это ганзейский фонтан и памятник ганзейским дням), которые визуализируют идею приобщения города к Ганзейскому союзу. Сам факт наличия жестких способов репрезентации ганзейского нарратива, которые появились в последние десятилетия, свидетельствует о кардинальном пересмотре городского прошлого в этот период и об актуализации ганзейского нарратива как фрагмента культурной памяти города, тогда как небольшое их количество говорит о сравнительно малом временном периоде актуализации ганзейского нарратива в городской среде.

Во-вторых, мягкие способы репрезентации ганзейского нарратива особенно разнообразно представлены в пространстве современного Великого Новгорода. Сюда следует отнести не только контент в социальных сетях или речи городских политиков, но и, прежде всего, топонимию, которая занимает особую роль в политике памяти, поскольку имя городских объектов транслирует значимые для города культурные смыслы, представляющие собой вербальный «мостик», связывающий память и город. В Великом Новгороде одна из гостиниц носит название «Ганза», в 2019 г. появился сладкий ганзейский сувенир, а в 2020 г. в городе запланировано открытие Ганзейской набереж-

ной, символизирующей факт транспортной связи древнего Новгорода с Ганзейским союзом. Репертуар символических форм, передающих ганзейский нарратив, дополняют регулярные выставки, актуализирующие ганзейское прошлое Великого Новгорода. В частности, выставка 2020 г. «Новгород и Ганза: окно в Европу», где представлены такие артефакты, как монеты и слитки, символизирующие об экономическом успехе древнерусского города, являются репрезентацией образов городского прошлого. Выставка представляет образы ганзейского нарратива, которые вместе с тем формируют устойчивые представления горожан о тесных связях с европейскими городами, сходными в Ганзейский союз, об общем для Великого Новгорода европейском прошлом, в результате чего город осмысливается как первое окно в Европу.

Одними из доминирующих средств формирования отношения к прошлому, как показала вторая половина XX в., обладающих мощным воздействием на аудиторию, является кинематограф и видеоконтент, объединяющие в себе вербальные и визуальные коды. В 2017 г. вышел историко-документальный фильм «Русская Ганза. Взгляд сквозь время...», где образ Великого Новгорода художественно сконструирован исходя из ганзейского нарратива. Кроме того, способами репрезентации нарратива Ганзы в городе стали такие средства передачи культурной памяти, как форумы (медиафорум 2019 и 2020 гг.), включение в учебные занятия специальных уроков (ганзейский урок был проведен в школах Великого Новгорода в 2020 г.), фотовыставки, научные исследования и музыкальные композиции.

В-третьих, к перформативным практикам репрезентации ганзейского нарратива относятся помимо исторических реконструкций и флешмобов Ганзейские дни (русские и международные) как наиболее массовое и знаковое повторяющееся действие для новгородцев. Фестивальный формат Ганзейских дней направлен на популяризацию ганзейского нарратива и предполагает не только трансляцию образов прошлого (с помощью оформления, использования костюмов и декораций), но и активное вовлечение горожан в процесс их воспроизводства. В 2018 г. проект «Ганзейская неделя» был признан одним из лучших туристических проектов российских городов.

Следует отметить, что для современников второстепенным является вопрос о том, какую именно роль занимал Великий Новгород в Ганзейском союзе (контрагент, транзит и пр.), поскольку доминирующим в данном случае является смысл об уникальном прошлом и масштабе значимости города в период Средневековья. Данный эпизод культурной памяти через различные способы представления ганзейских нарративов в городской среде становится частью ганзейского настоящего, влияя на локальный патриотизм через формирование идентификационных кодов новгородцев. Причем каждый из способов репрезентации ганзейского нарратива, генерирующего ценность города, обладает своей спецификой, зависимой от символических кодов передачи образов городского прошлого.

Культурная память города и нарративы локального патриотизма

Репрезентация нарративов патриотизма, влияющая через образы прошлого на городскую идентичность, является одной из траекторий, по которым формируются локальные патриотические ценности. Управление данным

процессом можно рассматривать через анализ способов подобных репрезентаций, которые представляют собой символический ресурс для региональных властей.

В рамках проблематики культурной памяти города особенно важным является не только отбор культивируемых в пространстве города фрагментов городского прошлого, но и способов их актуализации и репрезентации, которые в результате и задают картину смыслов настоящего. В каждом городе присутствует уникальный слой культурной памяти как важнейший пласт репрезентаций городских нарративов, который транслируют свой набор патриотических ценностей. Знание о способах репрезентации нарративов локального патриотизма следует учитывать в рамках прогнозирования и проектирования культурной памяти города, при управлении городским прошлым и его интерпретациями.

В заключение отметим, что символический ресурс нарративов локального патриотизма состоит в его способности объединять горожан на основе общей ценности города, поскольку особенность локального патриотизма заключается в наличии чувства привязанности к территории и осмыслении ее значимости. Общим символическим кодом нарративов локального патриотизма является гражданский код, который связывает горожанина с городом и его жителями через вызывающие гордость образы культурной памяти. Тем самым обеспечивается особая форма городской солидарности, преодолевающей границы этнических, религиозных, гендерных и иных форм коллективной идентичности.

Культурная память города в этом случае рассматривается как символический резервуар, состоящий в том числе из ценностей локального патриотизма, процессов объективации образов городского прошлого, участвующих в генерировании доверия к городу со стороны горожан, дефицит которого особенно остро проявляется в эпоху конкуренции городов за мобильные ресурсы. В связи с этим городские нарративы патриотизма представляют собой связующие тексты между городским прошлым и современным городом, способные транслировать в различных репрезентантах гражданский код городской идентичности, влияющий на основе ценности города на осознание горожанами себя как части города, способными проявлять участие в решении общих для горожан вопросов города.

Список источников

1. *Olick J.* The sins of the fathers. Germany, Memory, Method. Chicago : The University of Chicago Press. 2016.
2. *Сафонова Ю.А.* Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти. 2018. С. 11–26.
3. *Макаров А.И.* Политика памяти как элемент региональной культурной жизни // Власть. 2008. № 12. С. 8–11.
4. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
5. *Erlл A.* Cultural Memory Studies: An Introduction // Cultural Memory Studies: an International and Interdisciplinary Handbook. Walter de Gruyter, Berlin, New York. 2008. 442 p.
6. *Федотова Н.Г.* Практики городской коммеморации: особенности формирования культурной памяти города // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 39. С. 130–143.
7. *Олик Дж.* Память – это не вещь и предмет. Память – это непрерывный процесс: интервью с Дж. Оликом // Историческая экспертиза. 2018. № 4 (17). С. 22–49.

8. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. 2018. С. 27–53.
9. Assmann J. Communicative and Cultural Memory // Meusburger P., Heffernan M., Wunder E. Cultural Memories. The Geographical Point of View. London ; New York, 2011.
10. Wertsch J.W. Collective Memory // Memory in Mind and Culture. Cambridge University Press, 2009.
11. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
12. Тульчинский Г.Л. Символическая презентация прошлого: нарративы, уровни, формы // Человек. Культура. Образование. 2016. № 2 (2). С. 6–26.
13. Александер Дж. Смыслы социальной жизни. Культурсоциология. М. : Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013.
14. Афанасьева Д.О. Патриотические установки региональной молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4. С. 127–139.
15. Розанова Н.Н. Локальный патриотизм в контексте изучения репутации региональной власти (на примере Смоленской области) // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 354–357.
16. Lamont M. Culture and identity // Handbook of Sociological Theory / edited by Jonathan H. Turner. New York, 2000. P. 171–185.
17. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–74.
18. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М. : КАНОН-пресс-Ц, 2003.
19. Zierold M. Memory and Media Cultures // Cultural Memory Studies: an International and Interdisciplinary Handbook. Walter de Gruyter ; Berlin ; New York, 2008. 442 p.
20. Тульчинский Г.Л., Лопатина С. Публичные пространства в обществе массового потребления: гражданский и политический потенциал // Топография популярной культуры: сборник статей. М., 2015. С. 285–302.
21. Федотова Н.Г. Городская идентичность как конкурентное преимущество территории // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 5. С. 372–377.

References

1. Olick, J. (2016) *The Sins of the Fathers. Germany, Memory, Method*. Chicago: The University of Chicago Press.
2. Safonova, Yu.A. (2018) Memory studies: evolyutsiya, problematika i institutsional'noe razvitiye [Memory studies: evolution, problems and institutional development]. In: Miller, A.I. & Efremenko, D.V. (eds) *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the politics of memory]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 11–26.
3. Makarov, A.I. (2008) Politika pamyati kak element regional'noy kul'turnoy zhizni [Politics of memory as an element of regional cultural life]. *Vlast'*. 2. pp. 8–11.
4. Assman, Ya. (2004) *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
5. Erll, A. (2008) Cultural Memory Studies: An Introduction. In: Erll, A. & Nünning, A. (eds) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin; New York: Walter de Gruyter. pp. 1–18.
6. Fedotova, N.G. (2020) Practices of urban commemoration: features of the city cultural memory formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 39. pp. 130–143. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/39/12
7. Olick, J. (2018) Pamyat' – eto ne veshch' i predmet. Pamyat' – eto nepreryvnyy protsess: Interv'yu s Dzh. Olikom [Memory is not a thing or an object. Memory is a Continuous Process: An Interview with J. Olick]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 4(17). pp. 22–49.
8. Malinova, O.Yu. (2018) Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [The politics of memory as an area of symbolic politics]. In: Miller, A.I. & Efremenko, D.V. (eds) *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the politics of memory]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 27–53.

9. Assmann, J. (2011) Communicative and Cultural Memory. In: Meusburger, P., Heffernan, M. & Wunder, E. (eds) *Cultural Memories. The Geographical Point of View*. London, New York: Springer.
10. Wertsch, J.V. (2009) Collective Memory. In: Boyer, P. & Wertsch, J.W. *Memory in Mind and Culture*. Cambridge University Press.
11. Brockmeyer J. & Harre, R. (2000) Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoy al'ternativnoy paradigmy [Narrative: problems and promises of one alternative paradigm]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 29–42.
12. Tulchinskiy, G.L. (2016) Simvolicheskaya prezentatsiya proshlogo: narrativy, urovni, formy [Symbolic presentation of the past: narratives, levels, forms]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie – Human. Culture. Education*. 2(2). pp. 6–26.
13. Alexander, J. (2013) *Smysly sotsial'noy zhizni. Kul'tursotsiologiya* [Meanings of Social Life. Cultural Sociology]. Moscow: Praxis.
14. Afanasieva, D.O. (2012) Patrioticheskie ustanovki regional'noy molodezhi [Patriotic attitudes of regional youth]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4. pp. 127–139.
15. Rozanova, N.N. (2017) Lokal'nyy patriotizm v kontekste izucheniya reputatsii regional'noy vlasti (na primere smolenskoy oblasti) [Local patriotism in the context of studying the reputation of regional authorities (a case study of Smolensk Region)]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*. 6(4-21). pp. 354–357.
16. Lamont, M. (2000) Culture and identity. In: Turner, J.H. (ed.) *Handbook of Sociological Theory*. New York: Springer. pp. 171–185.
17. Ollick, J. (2012) Figuratsii pamyati: protsesso-relyatsionnaya metodologiya, illyustriruemaya na primere Germanii [Memory figurations: process-relational methodology illustrated by the example of Germany]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 11(1). pp. 40–74.
18. McLuhan, M. (2003) *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: Human External Extensions]. Translated from English. Moscow: KANON-press-Ts.
19. Zierold, M. (2008) Memory and Media Cultures. In: Erll, A. & Nünning, A. (eds) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin; New York: Walter de Gruyter. pp. 399–408.
20. Tulchinskiy, G.L. & Lopatina, S. (2015) Publichnye prostranstva v obshchestve massovogo potrebleniya: grazhdanskiy i politicheskiy potentsial [Public spaces in a society of mass consumption: civil and political potential]. In: Rozenkholm, A. & Savkina, I. (eds) *Topografiya populyarnoy kul'tury* [Topography of Popular Culture]. Moscow: NLO. pp. 285–302.
21. Fedotova, N.G. (2016) Gorodskaya identichnost' kak konkurentnoe preimushchestvo territorii [Urban identity as a competitive advantage of the territory]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik*. 5. pp. 372–377.

Сведения об авторе:

Федотова Н.Г. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии, социологии Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия). E-mail: fedotova75@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Fedotova N.G. – Novgorod State University Yaroslav-the-Wise (Veliky Novgorod, Russian Federation). E-mail: fedotova75@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.01.2021;
одобрена после рецензирования 11.10.2021; принята к публикации 15.05.2023.
The article was submitted 11.01.2021;
approved after reviewing 11.10.2021; accepted for publication 15.05.2023.*